

УДК 821.161

Девярых Сергей Юрьевич

кандидат психологических наук, доктор
социально-политических наук КНДР, доцент
УО «Витебская ордена «Знак Почета»
государственная академия ветеринарной медицины»

**«ФИЛОСОФИЯ ПОЛНОГО ОТЧАЯНИЯ»:
А.В. НИКИТЕНКО В БЕЛОРУССИИ (1839 Г.)**

Аннотация. В первой половине 1839 г. А.В. Никитенко посетил Могилевскую губернию и проездом бывал в Витебске, чему посвятил несколько страниц в своем «Дневнике».

Ключевые слова: А.В. Никитенко, белорусские крестьяне, Могилевская губерния, Витебская губерния, Николаевская Россия.

Александр Васильевич Никитенко (1805-1877), сына крепостного, человек, своими трудами поднявшийся до чина тайного советника и удостоенного звания ординарного академика Академии наук по Отделению русского языка и словесности. А.И. Никитенко закончил философско-юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в котором затем преподавал. Преподавал также в Аудиторской школе, Артиллерийском училище, Екатерининском институте и Александровском училище, редактировал журналы «Сын отечества» и «Современник», а с конца 1850-х – «Журнал министерства народного просвещения».

Читающая публика знает Никитенко прежде всего как цензора. Для Российской империи цензура была делом обычным. Нередко цензорами служили и сами литераторы. Среди них назовем Сергея Аксакова, Федора Тютчева, Ивана Гончарова. Согласно историку цензуры Г.В. Жиркову, возникновение цензуры в Московском царстве восходит еще к середине XVI века. Учреждение цензуры и должности цензора относится ко временам Екатерины II (1798), а первый цензурный устав был принят в России в 1804 г. и создан Цензурный комитет [5].

С Цензурным комитетом А.В. Никитенко был связан еще с конца 1820-х годов, когда будучи секретарем попечителя Санкт-Петербургского учебного округа К.М. Бороздина написал по его просьбе примечания к новому «Уставу о цензуре», принятому в 1828 г.; в 1833 г. был назначен и до 1865 г. (вплоть до выхода на пенсию) трудился цензором.

В истории отечественной словесности сложилось устойчивое мнение о царской цензуре, как о душители свободомыслия. Вместе с тем, Устав 1828 г. определяет ее цель так: «чтобы произведения словесности, наук и искусств, при издании их в свет по средствам книгопечатания, гравирования и литографии, дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага Отечества направление» [10, с. 130]. К слову, в обязанности цензуры входило и охрана авторских прав, и борьба с контрафактом.

Сегодня только историки русской литературы знают о Никитенко как о теоретике словесности. В 1837 году получил степень доктора философии за диссертацию «О творческой силе в поэзии или поэтическом гении». Из работ по истории литературы наиболее известны «Речь о критике» (1842) и «Опыт истории русской литературы. Введение» (1845). Сохранился отзыв В.Г. Белинского о Никитенко-профессоре: Г-н Никитенко как профессор известен живым, одушевленным, полным красноречия и мысли изустным изложением своего предмета с кафедры. Не имевшие удовольствия слышать его могут увериться в этом из его журнальных статей, которые, при богатстве содержания и обдуманности изложения, всегда так похожи на быстрые и лёгкие» [1, с. 224]. О Никитенко-человеке вспоминал А. И. Герцен: «Он удивительно добрый и благородный человек, меня принял отверстыми объятиями» [2, с. 513].

Сегодня о Никитенко как историке и теоретике литературы знают немногие, тогда как большинству читающей публики он известен как автор «Дневника», уникального документа, в котором представлена панорама российской жизни почти за пятьдесят лет. На страницах этого историко-культурного памятника даны портреты как видных царских сановников (Уваров, Перовский, Головин, Валуев), так и писателей (Пушкин, Булгарин, Погодин, Катков), а также своих сослуживцев-цензоров (Вяземского, Гончарова, Тютчева).

Впервые «Дневник» появился на страницах «Русской старина» (1889-1892), а затем вышли три отдельных издания: трехтомное (1893) и двухтомное (1904-1905), а в Советские времена – трехтомное исправленное (1955-1956).

«Дневник» не обычные мемуары, в которых прожитые события описываются через какое-то время после их совершения. «Дневник» создавался по горячим следам; он несет на себе чувства его создателя, еще не «затертые» годами прожитой жизни.

На страницах «Дневника» (записи за 1839 год) нашлось место и Белорусским губерниям – Могилевской и Витебской, которые он посещал, навещая свою семью, костившую в д. Тихомировка, Шкловского уезда у сестер Л. еще с января 1839 г.

Итак, 13 июня Александр Васильевич из Санкт-Петербурга и «ехал на почтовых» [4, с. 295]. В первой половине XIX в. путешествие конным экипажем было самым доступным способом путешествия по России. Путешествие на своих было не так популярно, поэтому чаще всего путешествовали на почтовых. Вдоль дорог были устроены почтовые станции, где меняли лошадей, после чего, путник продолжал путь.

Заметим, для того, чтобы сменить лошадь, существовали определенные правила. Они касались не только оплаты проезда или времени ожидания и системы выдачи лошадей, которая определялась классом путешественника. Путешественники I класса – курьеры, высшие государственные чиновники – претендовали на лучших лошадей и обслуживание без задержек; II класса – дворяне и богатые купцы – им были положены приличные лошади, однако они не могли претендовать на самых лучших лошадей, а запросы их удовлетворялись после запросов путешественников первого класса; III классом путешествовали все остальные: разночинцы, мещане, мелкопоместные дворяне, купцы, мелкое духовенство. Их запросы удовлетворялись по мере возможности; лошади, которых им предоставляли, были менее качественными и медленными [6].

Уже 18 июля он был в Шклове, где его ожидали лошади из деревни.

Как отмечает путешественник, «местоположение деревни и господского дома красивое. Особенно хороша большая березовая роща и за ней широко раскинувшийся свежий луг, как роскошный ковер, испещренный цветами» [4, с. 295].

Хозяйки имения, сестры Л., католички и большие оригиналки. Со страниц «Дневника» предстают портреты женщин, обладающих «диктаторской волей», распространяющей ее на все живое. Вместе с тем они «радушны и готовы на всякое добро, с тем однакож, чтобы вы уже совершенно отказались от всех своих мнений» [4, с. 295-296].

Благоустройство хозяйских построек и красота природы входит в противоречие с «нечистотой и бедностью» крестьянской жизни: «Дети в отрепьях, грязные; почти все или страдают болезнью глаз, или с вередями па лицах и па теле. Лица взрослых безжизненны и тупы ... Эти люди, по-видимому, терпят крайнюю нужду и угнетение: о том свидетельствуют их лица, движения, одежда, или, вернее, рубища, которыми они прикрыты, их жилища. В последних, вместо окон, щели с грязными обломками стеклышек; в тюрьмах больше свету. «Однако шляхта, казалось бы, не замечает бедственного положения своих крестьян, полагая, что они под маской скрывают свои чувства, «хитры и умны» [4, с. 296].

Единственное развлечение для них – воскресное посещение церкви, куда они «идут молиться богам и божкам». Никитенко обращает внимание на безразличие крестьянства к духовной жизни. Примечательно, что это написано в год, когда была прекращена Брестская церковная уния на Полоцком церковном соборе 12 февраля 1839 года.

А. В. Никитенко описывает сцену с женихом и невестой, которые, подойдя к нему для выражения почтения «упали на колени». Как выяснилось, помещицы решили поженить

молодых против их воли. Автор восклицает: «Какую национальную философию можно вывести из наблюдений над человеком в России – над русским бытом, жизнью и природой? Из этого, пожалуй, выйдет философия полного отчаяния» [4, с. 296].

В царствование императора Николая Павловича стараниями Министерства государственных имуществ, трудами П.Д. Киселева было много сделано для казенных крестьян: организовано сельское самоуправление (сходы), приняты меры для улучшения хозяйственного быта, малоземельных наделяли землей, обеспечивали зерном в неурожайные годы, устраивали школы. Рассматривался проект уничтожения крепостного права. Однако по отношению к помещичьим крестьянам эти меры работали не в полную силу [8, с. 769].

Особенно жестокие притеснения от польской шляхты терпели крестьяне Белорусских губерний. При плохом удобрении и низком качестве земель урожайность крестьянских земель была низкая. При такой урожайности с земельного надела в 8-12 десятин на двор, многие крестьянские семьи не могли себя прокормить. Положение крестьян усугублялось низким агротехническим уровнем земледелия и господством панщины (аналог барщины в Белоруссии) [4, с. 109-110].

Из Тимоховки А.В. Никитенко выехал 20 июля, а 26-го прибыл в Санкт-Петербург. По пути он останавливался в Витебск, где познакомился с Яковом Петровичем Ронжиным, прокурором. Ронжин много рассказывал ему о местной жизни, особенно о чиновничестве. В этих беседах не был обойден вниманием и Витебский генерал-губернатор Дьяконов, прославившийся своим самодурством. Как отмечает В. С. Поликарпов [9], при Николае I влияние чиновной знати чрезвычайно возросла. Самодержавие видело в ней надежную опору, а она безраздельно властвовала над страной

Список литературы:

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии (1841 – 1844) – Москва: АН СССР, 1954. – 863 с.
2. Герцен, АИ. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 22. – Москва: АН СССР, 1961. – 489 с.
3. Гісторыя Беларусі. Том 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі / Касцюк М. (рэд.). – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 521 с.
4. Никитенко, А. И. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: в 2 т. Т. 1.- Санкт-Петербург: М.В. Пирожков, 1904. – 631 с.
5. Кряженков, А. Н. Своё суждение имел: жизнеописание А. В. Никитенко. – Белгород: Константа, 2019. – 339 с.
6. Теркель, А. Как путешествовали по Российской империи в XIX веке / А. Теркель. – 2022. – 182 с.
7. История цензуры в России XIX – XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов / Г. В. Жирков. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 367 с.
8. Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. – Петрозаводск: Фолиум, 1996. – 838 с.
9. Поликарпов, В.С. История нравов в России. Восток или Запад? [От Алексея Тишайшего до Николая Второго] / В.С. Поликарпов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 575 с.
10. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург: в Тип. Морского министерства, 1862. – 482 с

